

Татьяна Шор

От *Curriculum vitae* к автобиографии: Вальмар Адамс (1899–1993)

From Curriculum Vitae to Autobiography: The Case of Valmar Adams (1899-1993)

The Estonian poet and essayist, philologist, university teacher Valmar (Vladimir Karl Moritz Alexander) Adams wrote many CVs and autobiographies over his long life. He was born at the turn of the century and was a direct witness to the European turmoil of the twentieth century. His CVs are a unique example of both business and artistic autobiographical genres in completely opposed cultural contexts. He was a citizen of the Russian Empire, of the Estonian Republic and the Estonian SSR, then a citizen of the Reich Commissariat of Ostland within the German Reich, then a citizen of the USSR and again the Republic of Estonia: Adams had to negotiate with his context in his autobiographies at different periods. Iurii Lotman wrote about his colleague: 'Valmar Adams is a man of versatile giftedness. It is difficult to describe him briefly. I once advised him to write a play where the characters would be the five sides of himself. In the present article these different sides of Adams are revealed on the basis of documents and autobiographies from the archives of the Literary Museum of Tartu, University of Tartu, and the KGB.

В моей крови ведут извечный танец
Ярильный, светозарный славянин
Надменный швед, стремительный германец
И хмурый одинокий финн...
(Via sacra 1922: 44)

Эстонский писатель, филолог, университетский преподаватель Вальмар Теодорович Адамс написал за свою долгую жизнь множество автобиографий. Он родился на переломе веков, был непосредственным свидетелем европейских по-

трясений XX века и создал уникальные образцы делового автобиографического жанра в диаметрально противоположных культурных контекстах. Подданный имперской России, затем гражданин лимитрофного государства Эстон-

ская Республика и Эстонской ССР, затем подданный рейхс-комиссариата Остланд в рамках Германского Рейха, далее гражданин СССР и снова Эстонской Республики – вот основные общественные роли, которые Адамс должен был осмыслить и отразить в своих жизнеописаниях в разные периоды жизни. Ю.М. Лотман в заметке к его 90-летнему юбилею писал:

Вальмар Адамс – человек разносторонней одаренности. Его очень трудно охарактеризовать коротко. Когда-то я советовал ему написать пьесу, где действовало бы пять Адамсов. Кто же были бы эти персонажи? Первый – это Адамс-поэт со своеобразной творческой биографией: очень известный в двадцатые год поэт-новатор. [...] Второй – Адамс-литературовед, видный исследователь русской литературы XIX века, в основном творчества Гоголя, но и других авторов. [...] Третий Адамс, обладающий пылким общественным темпераментом, что неизменно влекло его в ряды молодежи. [...] Четвертый –

Адамс-мемуарист и романист. [...] Пятый Адамс – он сам. Я с большой буквы. Вальмар Адамс – человек с исключительно ярко выраженной личностью, культивирующий и создавший ее, являющуюся произведением Вальмара Адамса (Лотман 1998: 218–219)¹.

Эта высочайшая оценка личности и творчества Адамса, всю жизнь искавшего точку опоры в сложных перипетиях и обстоятельствах, с которыми ему приходилось сталкиваться. В юности под влиянием русской литературы он подражал декадентам и эгофутуристам², в начале 1920-х годов

¹ Впервые о пяти ликах Адамса упомянула журналист и библиограф Эрнэ Сийрак в статье, посвященной 70-летию В.Т. Адамса. Для его коллег, профессора Ю.М. Лотмана и З.Г. Минца, он долгое время пребывал в трех (поэт, ученый, преподаватель), затем в четырех ипостасях – литературовед, прозаик, эссеист и поэт (в поздравительной телеграмме 1985 года) и, наконец, в пяти ликах в 1989 году (Siirak 1979, Lotman 1974, Lotman 1989, Adams 1899: 23, 20, 3).

² Наиболее заметные его поэтические произведения на русском языке были опубликованы в альманахе литературной группы “Раки на мели” с участием Игоря Северянина *Via sacra* (1922). Стихи Владимира Адамса-Александровского *Via sacra* дали название всему альманаху. Кроме то-

был поклонником и близким другом Игоря Северянина, но вскоре понял, что ему не преодолеть уровень провинциального поэта и стал писать по-эстонски³. Первыми публикациями на эстонском языке были переводы из Байрона, который наравне с Лермонтовым был очень важен в становлении поэтического Я Адамса. Следует отметить, что большинство крупных эстонских писателей-современников считали творчество Адамса посредственным. Тем не менее за какие-нибудь десять лет в ипостаси эстонского поэта он все же достиг признания и в среде эстонских литераторов. Так, Г. Виснапуу отмечал интересные игры Адамса-поэта с неточными рифмами, в частности контргенеративными и омо-

---

го, им были опубликованы стихи из циклов *Стишебны*, *Алое* (лирель *Мальчишка*), *Скорченные орбиты*, *Автоэстрада* (*Все укради...*), отрывок из поэмы *Лирическое Ни* и др. Подробнее см.: Kguus 1984, Пономарева 1999, Пономарева 2001.

³ В автобиографии 1949 года Адамс пишет: “Так я стал сначала провинциальным русским, а потом эстонским поэтом, издавшим с 1924 по 1935 год пять книг, вошедших в историю эстонской литературы” (Adams 1944: 120 об.) Знаменательно, что Игорь Северянин включил переводы его стихов в свою антологию *Поэты Эстонии* (1928).

нимическими. Опираясь на опыт В. Брюсова, он первым употребил эти формы в эстонских стихах (Visnapuu 1932: 587). Критик Х. Пауксон⁴, принадлежавший к литературной группировке “Arbujad” и позже работавший в эстонской редакции газеты «Ameerika Hääl» («Голос Америки»), в рецензии на третий сборник стихов Адамса *На полдороге странствия земного...* (*Maise matka poolel teel*, 1932) на страницах серьезного журнала «Looming» (Творчество) оценил его в целом положительно. Он отмечал, что уже само название, отсылающее к *Божественной комедии* Данте, вступает в контраст с первым эпатажным сборником *Поцелуй в снег*, нацеленным на *продвинутого* читателя. По словам Пауксона, этот сборник был явным шагом вперед и отходом от солипсизма второго сборника *О боли света* (*Глаза в глаза с читателем*)⁵. Третью книгу стихов Адамса рецензент характеризует как “Все всем!”, замечая, что несмотря на известное позирование стихотвор-

---

⁴ Harald Paukson (1904–1956, с 1936 года Parrest), о нем см.: Lindström et al. 1994: 276.

⁵ Имеются в виду поэтические сборники Адамса *Suudlus lumme* (1924) и *Valguse valust* (1926).

ной изысканностью, она занимает видное место в современной интеллектуальной эстонской поэзии. Творческой манере автора присуща философичность, психологизм (в духе Фрейда), жест, риторика, эстетичность, музыкальность и художественный вкус (Raikson 1933). Так же положительно оценил этот сборник в обзоре эстонской поэзии за 1932 год блестящий критик и переводчик А. Орас (Ogas 1933: 197–198)⁶.

Что касается второй ипостаси: Адамса-литературоведа, то сам Ю.М. Лотман не очень ценил его в основном эссеистическое творчество, но признавал его работы в области эстонского стиховедения и интересные опыты в области перевода (Adams *et al.* 1946, Adams 1977)⁷. После Второй ми-

ровой войны в первом номере Ученых записок только что возникшей русской кафедры, которую возглавил Адамс, было опубликовано его исследование *Идиллия Н.В. Гоголя Ганц Кюхельгартен в свете его природоописаний*. На основании этой книги автора объявили космополитом, а его удачно начатая карьера в *Alma mater* быстро закончилась (Адамс 1946)⁸. В.А. Десницкий⁹, бывший юрьевец, ученик известного литературоведа Е.В. Петухова, ставший к этому времени именитым профессором, а позже участво-

---

Адамса “Из истории эстонской рифмы (к проблеме русских влияний на эстонскую поэтику)” вышла в Ученых записках ТГУ в 1960 году (т. 98). Карл Абен (1896–1976), доцент кафедры финно-угорских языков, переводчик с латышского.

⁸ В советское время в 1946 году магистерская работа *Riim, võrdlev-ajalooline ning kirjandusteoreetiline uurimus üldise ja eesti riimiteooria alalt* (Рифма, сравнительно-историческое и литературно-теоретическое исследование в области общей и эстонской теории рифмы, 1929) была признана кандидатской диссертацией (Adams 1944: 175–175f).

⁹ Петухов Евгений Вячеславович (1863–1948), профессор русской литературы в императорском Юрьевском, бывшем Дерптском университете 1895–1918. Десницкий Василий Алексеевич (1878–1958), общественный деятель, литературовед, учился в университете в 1899–1902 и 1906–1912 гг. (Desnitski 1899).

---

⁶ До 1940 года Адамс издал еще два стихотворных сборника на эстонском языке *Põlev põsas* (1937, Неопалимая купина) и *Tunnetuse tund* (1939, Час познания). Переводы с эстонского здесь и далее автора.

⁷ В письме Б.Ф. Егорову в августе 1961 года Ю.М. Лотман писал: “Комитет славистов из всех наших тем удостоил внимания лишь тему Адамса. Утритесть (я уже)! Адамс стал выше на 1/2 вершка и жалуется на перегрузку. Хочет просить у Виноградова сузить тему, забросив историю латышской рифмы, пренаивно поясняя, что Абен не дал ему необходимых сведений” (Лотман *et al.* 2018: 53). Статья В.Т.

вавший в *потоплении* фольклориста-космополита М.К. Азадовского (1888–1954), в данном случае приложил руку и к Адамсу. Он был объявлен формалистом, последователем американского психолога Л. Шеффера, вульгарным фрейдистом, “оседлавшим свои глаза темно-желтыми очками западно-европейской и американской учености” (Десницкий 1946: 3). Теперь бы это могло сойти за комплимент, но в 1946 году за подобные обвинения выгоняли с работы (Рисс 1946, Советская Эстония 1946, *Rahva Hääl* 1946; Adams 1944: 37; Adams 1947: 1–2, 22–23, 24–29). Через пять лет во время судебного разбирательства в связи со службой Адамса переводчиком в период немецкой оккупации, работу о Гоголе вместе с разгромными рецензиями ему снова припомнили¹⁰ (Adams 1951: 263а; По-

¹⁰ В характеристике 1950 года ректора А. Коорта значится: “По линии научной работы Адамсом была напечатана в 1946 году статья о *Ганце Кюхельгартене* Н.В. Гоголя, содержащая порочные положения, что было отмечено в статье профессора В.А. Десницкого, опубликованной в газете *Советская Эстония* за тот же год. Однако работа Адамса 1950 года об эстонской повести *Адо* декабриста В. Кюхельбекера, хотя и несколько сырая в научном отношении, идеологических ошибок не содержала” (Adams 1944: 129). В объяснительной записке

номарева 1998: 54–55)¹¹. Знамательно, что автор заметки об Адамсе в *Биографическом словаре ученых Эстонии* К. Сийливак эту монографию даже не упомянул, зато сослался на немецкий вариант статьи 1931 года, послужившей

к списку научных трудов в июле 1950 года Адамс писал: “Работа испорчена некоторыми ошибочными формулировками и ляпсусами, которые в свете последовавших вскоре после опубликования этой работы исторических постановлений ЦК ВКП/б/ оказались порочными, - подверглась резкой критике, которую я ныне признаю в основном вполне правильно, хотя имеется положительный отзыв ленинградских профессоров П.М. Беркова, М.П. Алексеева и [Н.И.] Мордовченко на эту работу” (Adams 1944:17). В постановлении на арест В. Адамса от 18.07.1951 года в одном из пунктов обоснования говорилось: “В 1946 году Адамс был уволен из Тартуского Госуниверситета за космополитизм. В 1951 году он вновь изгоняется из университета за активную службу в немецком карательном органе и за пронемецкие убеждения” (Adams 1951a: 2).

¹¹ Надо иметь в виду, что личные дела В. Адамса и других преподавателей, которые упомянуты в статье Г.М. Пономаревой *Перед отменью*, из ведомственного университетского архива переданы в Национальный архив Эстонии (Estonian National Archives=Rahvusarhiiv, Tartu; далее пользуемся сокращением НАЭ) и в настоящее время имеют другие архивные шифры, см. НАЭ, Тарту, ф. ЕАА. 531 *Tartu Ülikool 1919–2006*, 44501 ед. хр. (www.ra.ee/vau; <https://ais.ra.ee>).

основой для этого исследования (Siilivask 2000: 33).

Образ третьего Адамса, обладающего “пылким общественным темпераментом”, соотносится с его сотрудничеством и редакторством в большевистской газете «Молот» (1918–1919), региональном двуязычном издании «Petserlane = Печерянин» (1920) и газете «Üliõpilasleht» («Студенческий листок», 1926–1928). Лекторскую работу со студентами в стенах Тартуского университета и в народном университете Адамс начал в 1929 году (Исаков 2002: 75–76, Шор 2002: 17–26). Упомянем также его попытку изложить на эстонском языке *ленинский метод* для эстонских коммунистов-функционеров и сотрудничество в газетах «Eesti Kommunist», «Postimees», «Edasi» в середине 1940-х годов (Adams 1946: 4–11)¹².

¹² В протоколе заседания кафедры от 24 сентября 1963 года отмечено: “Заслушав и обсудив отчет доц. В.Т. Адамса, кафедра русской литературы заключает: В.Т. Адамс много лет старательно ведет активную учебную работу на кафедре. [...] Выступавшие во время обсуждения на заседании кафедры 12 апреля 1963 г. гг. Лотман, Фельдбах, Исаков, Минц, высказав отдельные замечания, одновременно очень положительно оценивали лекции В.А. Адамса в целом, указывая на их высокий научный и методический уровень, правильность постановки

Об Адамсе *мемуаристе* и *романисте* можно сказать, что все выпущенные в 1970–1980-е годы книги – *Твои секунды*, *Запыленное золото юности*, *Вечерний свет*, эссе-дневник *Омега*, избранные стихотворения в сборнике *Красные звезды*, особенно же роман *Эста вступает в жизнь* – автобиографичны (Adams 1971, 1972, 1982, 1982a, 1985, 1986). Сам Адамс в 1946 году характеризовал свое раннее творчество так: “В прозе я начал культивировать малую форму эссе-миниатюр, своеобразный жанр ‘опавших листьев’ по форме, диалектики жизни и сознания по содержанию. Эти эссе и максимы названы мною ‘Mõttelooted’ (т.е. ‘эмбрионы мысли’)” (Adams 1899: 122:1, 396).

Наконец, обратимся к пятой, наиболее важной для нашей темы, ипостаси Адамса – его *Я*. Попытаемся проследить, как менялась самоидентификация этой неординарной личности в бюрократическом и литературном вариантах автобиографий с конца 1930-х до начала 1980-х годов. В Эстонском Литературном музее в Тарту (Eesti Kirjandusmuuseum; далее используем сокращение

идеологических вопросов и воспитательную ценность” (Adams 1941: 74).

ЭЛМ) в персональном архиве Вальмара Адамса (EKLA, ф. 344 *Valmar Adams*), а также в его личных делах в фондах Национального архива Эстонии (*Eesti Rahva Muuseum*; далее пользуюсь сокращением НАЭ), сохранилось масса вариантов его жизнеописаний от кратких *Curriculum vitae* (CV) до целого ряда как сугубо бюрократических, так и развернутых автобиографий, начиная со студенческих времен на эстонском и русском языках. Автобиографические свидетельства Адамса, зафиксированные в протоколах следственного и наблюдательного дел в архиве КГБ ЭССР (ERAF), несомненно, имеют определяющее значение для понимания движения к конформизму и в осознании собственного Я под давлением обстоятельств в постоянно меняющемся мире¹³. Особенностью автобиографической

¹³ Дела, содержащие автобиографические материалы В.Т. Адамса в НАЭ в Тарту: ф. ЕАА. 2100, оп.1, ед. хр. 50 (CV 1924); ф. ЕАА. 2100, оп. 1а, ед. хр. 11 (CV 22 апреля 1940 года); ф. ЕАА. 531, оп. 87/53, ед. хр. 1 (автобиографии 1946, 1949, 1950, 1955); ф. ЕАА. 531, оп. 134, ед. хр. 129 (автобиографии 1955, 1970); ф. ERAF. 130SM.1.2157-1 (устные автобиографии, записи в протоколах допросов 1950–1951); RA, ERAF. 130SM.1.2157-2 (автобиографии 1951–1954).

манеры Адамса является то, что даже в анкетно-формальной советской автобиографии он умудрялся представить, как требуемую административно регламентируемую краткую сводку (собственно CV), так и развернутый вариант (“обстоятельное изложение”) автобиографии с мотивировками и авторскими оценками своих действий как бы со стороны. Например, в варианте “обстоятельного изложения” от 11 июля 1950 он выделяет следующие, уже внутренне им осознанные периоды жизни: 1899–1919 (детство-юность), 1919–1940 (жизнь в буржуазной Эстонии)¹⁴, 1940–1941 (деятель-

¹⁴ “После победы капиталистического строя в Эстонии я вскоре был арестован. Вместо высылки в советскую Россию, о которой я просил, меня в наручниках отправили в Таллинскую центральную тюрьму, затем в батарейную и обвинили по политическим статьям 102, 126 и 129 [О] н[аказаниях] У[головных] уложения царской России. [...] Я вышел из буржуазного застенка разбитым физически и морально. На поражение Эстляндской Коммуны лишенный научного мировоззрения юноша ответил уходом в мир пессимистической лирики. [...] Не имея ни руководства, ни конкретной цели, ни плана, я прослушал 25 семестров университетских курсов, изучил 5 языков, чтобы читать в оригинале мировую литературу, – одновременно зарабатывая себе на пропитание

ность в советском университете)¹⁵, 1941–1944 (арест и работа переводчиком в годы фашистской оккупации)¹⁶, 1944–1949 (период адаптации к советской действительности, увольнение из университета и последующее восстановление) (Adams 1944: 5–10f). Отметим, что склонность к саморефлексии и “обстоятельному изложению” обнаруживается уже в ранних автобиографиях. Так, будучи студентом второго

литературой и другим случайным трудом, так как я был бедняком и рано остался один на свете...” (Adams 1944: 6).

¹⁵ “[...] во время переворота немедленно и без колебаний встал на советскую платформу. [...] В июле 1941 г. меня не успевают эвакуировать, хотя я и просил об этом” (Adams 1944: 9).

¹⁶ Описывая свои аресты во время немецкой оккупации, Адамс чисто-сердечно признается: “Правда, мне вскоре удалось добиться фактически весьма льготных условий заключения благодаря протекции ученого офицера (ботаника) Рэдлиха, которому захотелось, чтобы ‘профессор’ обучал его русскому языку и сопровождал его в его поездках, взамен чего я – получив свидетельство лагерного врача о неспособности к физическому труду – был зачислен ‘переводчиком’ и постепенно переведен на полусвободное положение” (Adams 1944: 9f). Этот пассаж не прошел мимо внимания университетской администрации: он отчеркнут сбоку красным карандашом и лег в основу расследования сначала в университете, а затем в КГБ в 1950 году.

курса Тартуского университета, в CV к прошению о получении стипендии из спецсредств и освобождении от платы за учебу 23-х летний, в то время еще Владимир Адамс писал:

В получении образования и вообще в жизни я *self-made man*. Еще маленьким я остался без поддержки отца, все достигнуто только мною самим: зарабатывая на хлеб, я одновременно учился, и таким образом кончил среднюю школу. Теперь уже пять лет я живу совершенно самостоятельно. [...] Полубразованность я ненавидел всегда...¹⁷

Над развернутым литературным вариантом автобиографии Адамс работал всю свою сознательную жизнь, о чем свидетельствуют два объемистых тома автобиографических материалов в его личном

---

¹⁷ “Haridusesaamiseks ja üldse elus olen *self-made man*. Veel pisikesena kaotasin isa toetuse, kõik on olenenud ainult minust enesest: teenides leiba ma ühelajal ka õppisin ja lõpetasin nii keskkooli. Nüüd elan ju üle viie aasta täiesti iseseisvalt. [...] Poolharidust vihkasin alati...” (Adams 1921: 20).

архиве¹⁸. Некоторые фрагменты автобиографии, носящие мемуарный характер, ему удалось опубликовать после выхода на пенсию, когда он полностью посвятил себя литературным трудам (Adams 1979, 1983, 1984, 1984a, 1999; Adams 1899: 56:5, 407–417). О том, что Адамс как личность актуален и для современной литературной панорамы Эстонии, свидетельствуют посмертные публикации его эссе-воспоминаний (Adams 1999). Жизнетворческое игровое отношение к личному Я проявилось у Адамса уже в юности на уровне имени собственного. Сложное в лютеранской традиции имя, записанное в метрике Петербургской лютеранской кирхи при рождении как “Владимир Карл Мориц Александр”, позволяло интерпретировать его национальную принадлежность и в немецкую, и в русскую (по первому имени) сторону, при этом во всех автобиографиях Карл и Александр регулярно опускались. В юные годы первая и последняя части имени составили псевдоним поэта Владимира Александровского, в Тартуский университет в 1921 году он поступает как Влади-

мир Адамс¹⁹. На первом этапе творчества он – “русский провинциальный поэт Владимир Александровский” (1914–1922, публикации в газетах «Юрьевский Вестник», «Молот», «Печерянин» и альманахе *Via sacra*) (Adams 1940: 1200б), с 1924 года входит в эстонскую литературу как поэт Вильмар Адамс, с 1936 и до конца жизни – лектор и разносторонний литератор Вальмар Адамс. В эстонской литературной среде поэта-билингва принимали то за русского, то за немца, но во всех известным нам автобиографиях и анкетах он неизменно именовал себя эстонцем²⁰, а в автобиографическом романе эпатажно прячет свое Я под маской женщины по имени “Эста”. Но и это еще не все, игра с именами на этом не кончается. На волне эстонизации в 1936 году Адамс официально получает имя Вальмар-

¹⁹ В университетской матрикульной книге под № 1883, 17 февраля 1921 года Адамс зарегистрирован как “Владимир”. Копия свидетельства о рождении С.-Петербургской евангелическо-лютеранской консистории с именем “Владимир-Карл-Мориц-Александр” хранится в личном студенческом деле (Adams 1921: 7).

²⁰ Любопытно отметить, что в переписке с Анастасией Цветаевой, с которой Адамс познакомился в начале 1970-х, он демонстративно использовал немецкий язык (Пономарева *et al.* 2012: 119–122).

¹⁸ Adams 1899: 122:1, 1–176; 123:1, 177–419.

Меэленд (по-видимому, эстонский вариант 'Мориц' с игровым оттенком – *meel* – эст. чувство), причем второе имя практически не использовалось²¹.

Итак, перейдем к рассмотрению варианта CV от 22 апреля 1940 года из фонда "Тартуский университет 1918–1944", написанного незадолго до государственного переворота (Adams 1940a: 1–1f). Со студенческих лет и позже, Адамс пользовался кредитами Целевого фонда Т. и С. Бергман для продолжения учебы за границей и на научные командировки. К февралю 1940 года у него образовался довольно крупный долг, который он должен был погасить к определенному сроку²². В поисках материаль-

ных ресурсов Адамс решил сдать педагогический экзамен при университете, чтобы получить легальную возможность преподавать несмотря на то, что он уже имел магистерскую степень и стаж преподавания. Он пишет подробное CV не вполне традиционно – это итоговая автобиография уже сложившегося 41-летнего литератора. Адамс подчеркивает свою склонность к педагогическому призванию, останавливаясь на своей работе учителем в Печорах, учебе, общественной и преподавательской деятельности в Тартуском университете. Далее он касается своих заграничных командировок в Чехословакию, Австрию и Германию, на которые ему выделяли средства из фонда Бергмана. Все они, по словам автора, были связаны с проблемами филологии, философии и психологии, упоминались при этом знакомства с известными в Европе лицами, в том числе со знаменитыми психиатрами А. Адлером, З. Фрейдом, В. Штекелем (редактор журнала «Imago»), ввел в

²¹ Авторы списка студентов Тартуского университета с 1919 по 1944 год имя "Valmar Adams" трактуют как псевдоним (Lindsröm *et al.* 1994: 131). В справке к переводу магистерского диплома 1929 года, единогласно утвержденному Ученым советом как кандидатская степень СССР, указано, что "23 апреля 1936 г. данные при крещении имени 'Владимир Карл Мориц' заменены именем 'Вальмар', являющимся легализацией его литературного имени 'Вальмар Адамс'" (Adams 1944: 12, 168).

²² Игра с именами в 1920–1930-е годы продолжалась постоянно, так в фонде С. и Т. Бергман Адамс был зарегистрирован, как Вольмар, возможно, новообразование от Вольдемар-

Владимир. В названии архивного дела фонда Бергманов значится: Adams, Volmar (*sic!* – Т.Ш.) ka Vilmar, endine Vladimir) Teodori pg – filosoofiateaduskonna üliõpilane, 1925–1940 (Adams 1925: 6–12).

психиатрию термин *Thanatos*) и др. Долг Целевому фонду он так и не вернул, так как в июне новая власть все общественно-благотворительные организации закрыла, долги считались погашенными, а Адамс, прекрасно зная русский язык, активно стремится вжиться в среду насаждаемого социализма сталинского образца.

В последующих автобиографиях советского периода акценты смещаются. В Тартуском государственном университете Адамс преподавал русский язык с июня 1940 по июнь 1941 года, а затем приступил к работе вновь в ноябре 1944 (Adams 1944: 25; Пономарева, Шор 2010: 229). В биографии 1946 года, помимо эпизода работы в редакции большевистской газеты «Молот» (начало *сознательной жизни*), арест и притеснения со стороны эстонских властей, он подробно описывал свой круг знакомых писателей и славистов в Чехословакии (Карел Чапек, Станислав Нейман, Леопольд Зильберштейн, Оттомар Фишер и др.). В новых культурно-политических реалиях Адамс, судя по письмам и документам этого периода, вполне искренно, пишет:

В буржуазной Эстонии я всегда стоял за дружбу и сближение с Советским Союзом, отрыв от которого я переживал особенно болезненно. В течение двух десятилетий я принимал активное участие в полулегальном кружке друзей советских литературы в Тарту. Здесь я прочел и первую в Эстонии лекцию о Маяковском. [...] Во время переворота я без колебания открыто и немедленно встал на советскую платформу. Поехав в Таллинн, я участвовал в походе на Вышгород и в манифестациях на Плацу Свободы (Adams 1944: 9; Adams 1899: 123:1, 395–396).

Автобиография 1946 года (машинопись на 9 листах), написанная незадолго до разгромной статьи В.А. Десницкого и последующего увольнения из университета, послужила прообразом подкорректированной к обстоятельствам рукописной биографии 1949 года, когда над головой Адамса снова стали сгущаться тучи. В ней оценочные акценты, по сравнению с последней *буржуазной биографией*, были кардинально изменены в духе

советских политических клише: политический процесс за сочувствие идеям социализма²³, борьба между “дикими” студентами и корпорантами, “плен у господствующей в тогдашней литературе вздорной теории ‘свободы слова’”, “изоляция от культуры Советского Союза” и влияние “усиленно насаждавшейся в университете идеалистической философии”... etc. (Adams 1944: 5–10f). В советской Эстонии удачно начатая карьера в штате государственного университета очень скоро стала рушиться из-за непонимания конфликта идеологии идеального и реального социализма. Как человек книжный, читавший классиков марксизма-ленинизма и современные социально-психологические штудии в оригинале, Адамс пытается быть *правильным марксистом*, но никак не может втиснуться в узкие рамки “Краткого курса истории ВКП(б)”. Уволенный с места доцента кафедры русского языка из-за скандала с монографией о Гоголе 15 октября 1946 года, восстановленный с

²³ Из-за сотрудничества в газете *Молот* Адамс в конце января 1918 года был арестован и находился под полицейским надзором по подозрению в антигосударственной деятельности до конца 1921 года (Adams 1918).

помощью начальника главного управления университетов Министерства образования СССР в сентябре 1947 года в статусе доцента кафедры славянской и балтийской филологии, Адамс, в феврале 1949 утвержденный наконец ВАКом в звании доцента, к концу 1950 года снова оказывается не у дел (Adams 1944: 40–56)²⁴. В анкете следственного дела КГБ от 20 июля 1951 года он значился как “лицо без определенных занятий” (Adams 1951: 7). Его устные автобиографические рассказы были зафиксированы в протоколах допросов и вкуче с показаниями более чем 40 свидетелей придают не только объем малоизвестному периоду жизни

²⁴ В характеристике 1950 года бывший лектор Тартуского университета, руководитель Тартуского цеха поэтов, а теперь заведующий русской кафедрой Б.В. Правдин пишет: “Адамс, Вальмар Теодорович [...] беспартийный, работал преподавателем и доцентом в 1940/41, 1944/45 и 1945/46 учебных годах в составе кафедры славяно-балтийской филологии ТГУ. С весны по октябрь 1946 он был заведующим кафедрой русского языка, с 1 сент. 1947 по 1 сент. 1949 заведующим кафедрой русской литературы. После укомплектования штата этой кафедры, с начала 1949/50 уч. года он состоял и доцентом до декабря 1950, когда был снят с работы приказом ректора” (Adams 1944: 128–128f; Ср.: Adams 1920: 4–5, 10–11, 13).

Вальмара Адамса на оккупированной территории, но и рисуют довольно неприглядный его личностный портрет (Adams 1951, 82–294). В числе опрошенных оказались известные писатели и университетские преподаватели У. Мазинг, И. Сильвет, Э. Лаугасте, режиссер К. Ирд, библиотекарь М. Сыщиков²⁵, бывшая любовница Л. Кригуль²⁶, супруга Х. Майсте²⁷, супруга писателя И. Семпера Аврора и Л. Алексеева²⁸. Г.М. Пономарева

---

²⁵ В справке, составленной М. Сычковым 25.11.1950, говорилось: “По данным из *Студенческой газеты* (имеется в виду газета *Üliõpilasleht* – Т.Ш.) В. Адамс был одним из лекторов на этих курсах (курсы лекторов по истории возникновения Эстонской Республики при Тартуском университете – Т.Ш.) и имел хорошие для того фашистского времени отзывы” (Adams 1944: 129; Ропомарјава 2018: 13–14).

²⁶ Кригуль Линда Юхановна (Krigul Linda, урожд. Künnapas, 1906–1996), филолог, выпускница Тартуского университета (1933), работала в Литературном музее, составительница библиографии трудов В. Адамса.

²⁷ Майсте Хильда Мартовна (Maiste Hilda, 1908–1986, в первом браке Казак, во втором – Аллер); магистр философии и филологии, автор и соавтор учебников и хрестоматий по русскому языку, доцент кафедры языков Тартуской сельскохозяйственной академии 1964–1971, первая супруга В.Т. Адамса.

²⁸ Алексеева Лейда Юрьевна (1906–1987), вторая жена В. Адамса; в пер-

в статье об истории кафедры русской литературы конца 1940-х – начала 1950-х годов замечает, что два первых заведующих русской кафедрой Адамс и его старший собрат по перу Б.В. Правдин во время немецкой оккупации находились в оккупационной зоне, оба работали переводчиками²⁹. У Адамса возникло по этому поводу целое дело, а Правдин ограничился лишь объяснительной запиской начальнику отдела кадров университета. Возникает законный вопрос, как ему удалось избежать ареста? Исследовательница полагает, что все дело в характерах: “Адамс был человеком вспыльчивым и конфликтным. Правдин был спокойнее, старался держаться в тени” (Пономарева 1998:

вом браке замужем за художником В.В. Алексеевым (1902–1945). После войны она одно время работала домработницей у Адамсов, а на момент допроса числилась организатором концертов коллектива слепых солистов (Adams 1951: 144–145р).

²⁹ Правдин Борис Васильевич (1887–1960) сотрудничал в финансируемой Остландом русской газете *Новое время* (1941–январь 1944). В конце немецкой оккупации он отсиживался с семьей под Вильянди, сотрудничество с газетой прекратилось в конце 1943 года, к моменту открытия вновь советского университета Правдина в Тарту не было. См.: Пономарева, Шор 2009: 141.

56). Конечно, в этом есть доля правды³⁰. Адамс любил громко заявлять о себе своим коллегам, много писал партийным функционерам, стараясь быть им полезным, а на самом деле часто в своих писаниях как бы уличал их в необразованности даже в области марксистско-ленинской идеологии³¹. Сле-

³⁰ В характеристике ректора университета А. Коорта в декабре 1950 года сказано прямо: “Сам Адамс считает себя чуть не ортодоксальным литературоведом-марксистом. Поскольку он такого большого мнения о себе, это вызывает у людей, знающих прошлое Адамса, законное сомнение и возмущение” (Adams 1944: 127).

³¹ В партийном архиве сохранились два дела на Адамса за 1946 и 1947 годы. В первом *Компрометирующие материалы. Списки советских и партийных работников, освобожденных по политическим мотивам* содержится анонимный донос по поводу содержания монографии о Гоголе, в которой он упоминает “пресловутого меньшевика Переверзева, возглавляющего антимарксистскую школу в литературоведении, но не считает нужным обратиться к Белинскому и Чернышевскому, игнорируя труды без которых невозможно правильно понять и осветить творчество Гоголя. Брошюра Адамса написана вычурным псевдонаучным языком, перекликающимся с упадническими, эротико-декадентскими стихами автора в белоэмигрантском альманахе *Виасакра (Via sacra - Т.Ш.)* 24 года назад: ‘Как хорошо в наш век культурных эскимосов...’ ест.” (Adams 1946: 33–40). Во втором досье собраны письма Адамса с жалобами на редак-

дует признать, что старший следователь лейтенант КГБ А. Кольк проделал большую работу по изучению биографии подследственного в период 1941–1943 годов и привлек к расследованию людей из Тарту, Пскова и Острова, лично контактировавших, а также знавших Адамса лишь в лицо или по слухам. Каждый должен был засвидетельствовать свое личное отношение к подследственному и ответить на хитроумные вопросы следователя. При этом даже близкие Адамсу люди давали показания не в его пользу. Так будущая любимая жена Л.Ю. Алексеева говорила, что не понимает, почему в Тартуском концентрационном лагере Адамс просидел лишь месяц. Ее муж, художник Виктор Алексеев тоже владел языками, но никто его в переводчики не при-

цию *Советской Эстонии* за организованную на него травлю и увольнение. Там же представлены конспекты предлагаемых курсов *Ленинский метод, О национал-социализме* и пр. В одном из писем он откровенно пишет, что хотя он теперь не официальное лицо кафедры, но все же не оставляет свой работы по налаживанию контактов между русской и эстонской культурами и т.д. Пометы на письмах и проектах тогдашнего председателя ЦК КПЭ Э. Пялля не оставляют сомнения в неодобрении писаний Адамса (Adams 1947: 2–21, 24–29).

глашал. Супруга Адамса Х. Майсте говорила, что он с ней своими делами не делился, и отрицала все до такой степени, что следователь заподозрил ее в неискренности. Знакомые литераторы и ученые в один голос заявляли, что поэт он средний, писал порнографические (*sic!* – Т.Ш.) стихи (так в то время, по-видимому, именовались стихи с эротическим подтекстом) и прочее. Ознакомившись с делом, Адамс, думается, испытал немалый шок, что принудило его на суде начать свою речь таким образом:

В период буржуазной власти в ЭССР я был интеллигентом, космополитом, аполитичен, но всегда питал интерес к русской литературе и в особенности преклонялся перед Пушкиным. Написанное мною в буржуазное время я осуждаю, как политически порочное, но оно не антисоветское. Я свое осуждение изложил перед ЦК КП(б)Э. Вообще к поэзии того времени нельзя подойти с меркой теперешней (Adams 1951: 338).

Далее шел пассаж об аресте членами *Омакайтсе* в июле 1941 года, увольнении из университета за сотрудничество с советской властью, о тартуском концлагере Куперьянова, о деятельности в качестве переводчика в Острове у майора Рэдлиха, которого он возил в Тарту на экскурсию, но... при всем этом фашистским идеям он не сочувствовал, в допросах с пристрастием и расстрелах участия не принимал и виновным себя ни по каким статьям не признает.

Оправдания и самокритика не возымели действия, и 20 января 1952 года Адамса приговорили к 10 годам ИТЛ с поражением в правах на первые пять лет с конфискацией (Adams 1951: 366). Он отбывал наказание в Степлаге (Джезказганская область), где среди заключенных было 873 эстонца (4,2% от других национальностей)³². Однако его воинственная натура и там не успокоилась. Он начал писать во все инстанции³³ и в сентяб-

³² В антологии *Поэзия узников Гулага* помещены стихи В. Адамса в переводе С. Семененко. В биографической справке оказалось много неточностей, и ни одно из переведенных стихов не было написано в период 1951–1954 гг. (Адамс 2005: 913–914).

³³ В архиве Адамса в ЭЛМ сохранились копии его писем в центральную прокуратуру СССР (1952), всем пар-

ре 1954 года по требованию прокуратуры дело было пересмотрено (Adams 1951: 369–370)³⁴. Уже 9 ноября он был освобожден и выехал в Тарту. В автобиографии 1955 года в университетском личном деле он всячески подчеркивал свою деятельность как руководителя и доцента кафедры русского языка в первые послевоенные годы, когда не было кадров, помещений, а ему приходилось читать лекции на русском и эстонском языках по пяти предметам, включая курс иностранной литературы (Adams 1940: 7). Приказ ректора Ф. Клемента от 30 августа 1957 года о назначении В.Т. Адамса на 0,5 ставки доцента кафедры русской литературы с 1 сен-

---

тийным руководителям ЭССР и СССР с 1952 по 1987 годы, в том числе И. Кябину (19 писем), Г. Маленкову, Н. Хрущеву, А. Грезну, К. Вайно, А. Рюйтелю, М. Горбачеву и др.

³⁴ В справках о реабилитации говорится, что Адамс Вальмар Теодорович, родившийся в Петербурге в 1899 году, арестован 20 июля 1951 в Тарту и приговорен 30 января 1952 года к 10 годам принудительных работ с поражением в правах на пять лет. По постановлению Президиума Верховного Суда ЭССР от 13 октября 1954 года, приговор в отношении Адамса В.Т. отменен и дело о нем в уголовном порядке производства прекращено. Первую справку о реабилитации он получил в 1962 году при оформлении пенсии, окончательно реабилитирован в 1992 (Adams 1951a: 104).

тября 1957 года с зарплатой 1600 рублей в месяц, по-видимому, не удовлетворил его (Adams 1940: 17). В ноябре 1957 года он пишет письмо тогдашнему первому секретарю ЦК КПЭ И. Кябину:

Наши власти ЭССР напоминают мне паровоз, который потихоньку свистит и пускает пар, но не двигается с места. Все так и идет, как я Вам говорю. Проходят недели и месяцы, но данные мне обещания не воплощены в действительность, все ожидания и надежды снова бесполезны. Волокита, свист и пар – больше ничего. Энергии ленинского стиля не видно. Мне платят по-прежнему 50% (по-ленински – это финансовый разбой): получаю 480 руб. в руки. В связи с этим мое положение как доцента весьма далеко от культурного минимума, так что не могу нормально функционировать. На обещания ничего не купишь... (Adams 1920: 18).

Самое удивительное, что это возымело действие и приказом ректора с 1 ноября 1958 го-

да Адамса перевели на полную ставку доцента с зарплатой 3200 рублей (Adams 1941: 20).

В начале 1970-х годов Адамс начинает работу над автобиографическим романом *Эста вступает в жизнь*, прослеживая свою родословную с 1828 года (Adams 1986). Интересным наброском к нему является глава *Еще одна попытка биографии Вл. Александровского* (Adams 1899: 123-1, 348-349). В эти беллетризованные мемуары включены известные факты и лица культурного контекста довоенной эстонской Лифляндии и Эстонии. Рассказ постоянно флуктуирует, перемежается занятными историями, демонстрируя основательную начитанность автора и владение *стернианским стилем*, свободным от традиций и порядка. Но этот стиль оказывается не работающим в чужом культурном континууме. Насколько свободно и раскованно автор чувствует себя в сформировавшей его личность культуре дореволюционной России и в демократической Эстонии, настолько он не может художественно осмыслить чуждую ему догматическую культуру реального социализма, которую в случае публикации нельзя интерпретировать критически, а тем более и с опре-

деленной долей иронии. 7 ноября 1972 года Адамс поверяет Ю.М. Лотману свои сомнения:

А герои моего первого романа бунтуют вовсю. Написав 100 стр. и дойдя до июньской революции, ума не приложу, как все окончить. Революция у меня не получается, а структура рассказа – старомодная, под Гёте; гротеска ввести не сумею. Права бедного автора, оказывается, очень ограничены. [...] Простите отсутствие (любимого Вами) юмора в моем письме (Adams 1899: 7: 16, 6).

Значительно позже в другом письме по поводу интервью Лотмана о романе Я. Кросса *Императорский безумец*³⁵ Адамс с тоской замечает: “Пытаюсь продолжить ‘Эсту’, но не удается осмыслить *ajapöörak* (*Zeitwende* = поворот) 1940 и ... перспектива народа” (Адамс: 34).

С 1979 года в газетах начинают появляться отрывки из автобиографии Адамса, приуроченные, как правило, к оче-

³⁵ Имеется в виду интервью Ю.М. Лотмана в эстонской литературной газете «Очень социальная, очень нужная книга» (Lotman 1987).

редным юбилейным датам, так как к этому времени ряды эстонских литераторов Первой республики значительно поредели. За год до публикации автобиографического романа *Эста вступает в жизнь* в газете «Edasi» появился отрывок из планируемой книги *Попытка начать автобиографию* (Adams 1979). Это был первый шаг к созданию сложной динамической модели жизни Вальмара Адамса, построение которой он так и не успел закончить.

Можно ли на основе CV и автобиографий судить о конформизме или даже ультраконформизме Я Адамса, неоднократно попадавшего в противоположные исторические эксцессы и эксперименты? Три ареста как будто бы этому противоречат, видна и явная попытка отстаивать свою независимую позицию, однако в итоге он все же подчинился навязанным правилам игры в целях сохранения внешнего и внутреннего комфорта.

В архиве Адамса в ЭЛМ сохранилось письмо Ю.М. Лотмана, продиктованное З.Г. Минц после тяжелой болезни в Мюнхене в сентябре-октябре 1989 года своему давнему коллеге с начала формирования знаменитой кафедры русской литературы Тартуского университета. В нем 90-летний пятиликий Адамс подчеркнул особенно важные для себя места:

Меня очень радует, что в быстро меняющийся век Вы умеете сохранить неизменность своей личности, все от почерка до интонаций, в Вашем письме напоминает мне Вас. И при неизменности личности Вы умеете сохранить неразрывную связь с тем временем, которое отвела судьба – временем непонятным, но что ни говорите, – интересным и нескудным (Adams 1899: 7: 16, 11/13).

Библиография

Адамс: Письма В. Адамса Ю.М. Лотману, Библиотека Тартуского университета, Отдел редких книг и рукописей, ф. 135, ед. хр. 18.

Адамс 1946: В. Адамс, *Идиллия Н.В. Гоголя* Ганц Кюхельгартен в свете его природоописаний // *Ученые записки Тартуского государственного университета, Филологические науки*, Тарту, Госиздат “Научная литература”, 1946, т. 1, с. 3–49.

Адамс 2005: В. Адамс, *Я сам себе судья... – Inferno – Из свитка Агасфера – Диалог со смертью*, Перевод с эстонского С. Семененко // *Поэзия узников ГУЛАГа: Антология*, сост. С.С. Виленский, Москва, Материк, с. 913–914.

Via sacra 1922: И. Северянин, В. Адамс-Александровский, И. Беляев, Б. Правдин, *Via sacra: альманах*, Юрьев-Тарту, Вадим Бергман, 1922.

Десницкий 1946: В. Десницкий, *Еще раз о вреде легкомыслия и ложной учености* // «Советская Эстония», 1946, 28 ноября.

Исаков 2002: С. Исаков, *Русская эмиграция и русские писатели Эстонии 1918–1940*. Таллинн, КРД, 2002.

Лотман 1989: Ю. Лотман, *Я знаю пять Адамсов: [Вальмару Адамсу – 90 лет]* // «Вперед», 1989, 28 января.

Лотман 1998: Ю. Лотман, *Я знаю пять Адамсов* // «Вышгород», 1998, 3, с. 218–219.

Лотман *et al.* 2018: Ю. Лотман, З. Минц, Б. Егоров, *Переписка 1954–1993*, сост. Б.Ф. Егоров, А.П. Дмитриев, Т.Д. Кузовкина, Д.Э. Кузовкин, Н.В. Поселягин, Санкт-Петербург, ООО “Полиграф”, 2018.

Пономарева 1998: Г. Пономарева, *Перед оттепелью. История кафедры русской литературы конца 1940-х – начала 1950-х годов* // «Вышгород», 1998, 3, с. 53–65.

Пономарева 1999: Г. Пономарева, *О первых стихах Вальмара Адамса* // «Радуга», 1999, 1, с. 75–78.

Пономарева 2001: Г. Пономарева, *Вальмар Адамс: граница двух культур* // «Радуга», 2001, 1, с. 23–32.

Пономарева, *et al.* 2009: Г. Пономарева, Т. Шор, *Русская печать и культура в Эстонии во время второй мировой войны (1939–1945)*, Tallinn, Tallinna Ülikooli kirjastus, 2009.

Пономарева, *et al.* 2010: Г. Пономарева, Т. Шор, *Из новейшей истории Тартуского университета 1940–1941* // *Труды русского ис-*

следователъского центра в Эстонии, 2010, 5, Тарту, Tartu University Press, p. 227–244.

Пономарева *et al.* 2012: Г. Пономарева, Т. Шор, *Русские дачники в Эстонии: Анастасия Цветаева и эстонские писатели* // «Балтийский архив», 2012, XII, с. 115–125.

Рисс 1946: О. Рисс, *Невежество под флагом ученого* // «Советская Эстония», 1946, 25 сент.

Советская Эстония 1946: *Выше большевистскую бдительность на идеологическом фронте!* // «Советская Эстония», 1946, 13 октября.

Шор 2002: Т. Шор, *Газета Petserlane-Печерянин как первый опыт интеграционного издания* // «Балтийский архив», VII, Вильнюс, Русские творческие ресурсы Балтии, 2002, с. 8–26.

Adams 1899: ЭЛМ, ф. 344 “Valmar Adams, 1899–1993”, 1390 ед. хр., 1874–1993.

Adams 1918: НАЭ, Таллинн, ф. ERA. 4610, оп.1, ед. хр. 52 “Adams, Vladimir, 1918–1921”.

Adams 1920: НАЭ, Тарту, ф. 5402, оп.1, ед. хр. 128 *Valmar Adamsi töötamist tõendavad dokumendid, 1920–1962*.

Adams 1921: НАЭ, Тарту, ф. EAA. 2100, оп. 1, ед. хр. 5 *Adams, Vladimir (matrikli nr.1883), 1921–1929*.

Adams 1924: Vilmar Adams, *Suudlus lumme*, il. E. Viiralt, Tartu, Sõnavara, 1924.

Adams 1925: НАЭ, Тарту, ф. EAA. 2105, оп. 1, ед. хр. 119 *Adams, Volmar (ka Vilmar, endine Vladimir) Teodori pg – filosoofiateaduskonna üliõpilane, 1925–1940*.

Adams 1926: Vilmar Adams, *Valguse valust: 1925. aasta intermezzo: [luuletused]*, il. M. Dobužinski, Tartu: Sõnavara.

Adams 1940: НАЭ, Тарту, ф. EAA. 2100, оп. 1b, ед. хр. *Adams, Valmar*.

Adams 1941: НАЭ, Тарту, ф. EAA. 5311, оп. 134, ед. хр. 129 *Adams, Valmar Teodori p., 1941–1976*.

Adams 1944: НАЭ, Тарту, ф. EAA. 5311, оп. 68/53, ед. хр. 1 *Adams, Valmar Teodori p. 1944–1951*.

Adams 1946: НАЭ, Тарту, ф. ERAF. 1, оп. 48a, ед. хр. 106 *Компрометирующие материалы. Списки советских и партийных работников, освобожденных по политическим мотивам*.

Adams 1947: НАЭ, Тарту, ф. ERAF. 1, оп. 82, ед. хр. 22 *Документы по личному вопросу В. Адамса*.

Adams 1951: HAЭ, Тарту, ф. ERAF. 130SM, оп. 1, ед. xp. 2157-1 *Adams Valmar Teodor*.

Adams 1951a: HAЭ, Тарту, ф. ERAF. 130SM, оп. 1, ед. xp. 2157-2 *Adams Valmar Teodor*.

Adams 1971: V. Adams, *Sinu sekundid: mõttepäevik*, Tallinn, Perioodika, 1971.

Adams 1972: V. Adams, *Nooruse tolmunud kuld: valitud värsse ja mõttelooteid 1924-1969*, Tallinn, Eesti Raamat, 1972.

Adams 1977: V. Adams, *Vene kirjandus, mu arm: kirjandusteaduslikke artikleid ja esseesid*, Tallinn, Eesti Raamat, 1977.

Adams 1979: V. Adams, *Meie elu on ju fragmentarium: Murdmemuaare* // «Edasi», 1979, 27. jaan., 5.

Adams 1982: V. Adams, *Õhtune valgus: luuleloomingut ja selle filosoofilis-teoreetisi lätteid*, Tallinn, Eesti Raamat, 1982.

Adams 1982a: *Punased nelgid: luulevalik*, toim. A. Eelmäe, Tallinn, Eesti Raamat, 1982.

Adams 1983: V. Adams, *Riimiuuendus – filoloogiline autobiograafia* // «Sirp ja Vasar», 1983, 10. juuni, c. 6.

Adams 1984: V. Adams // «Edasi», 1984, 28. jaan.

Adams 1984a: V. Adams, *Episoodid ja nimesid Eesti Tööraha Kommuuni päevilt* // «Looming», 1984, 7, 944-950.

Adams 1985: V. Adams, *Oomega: esseid ja murdmemuaare*, Tallinn, Perioodika, 1985.

Adams 1986: V. Adams, *Esta astub ellu: esseromaan*, Tallinn, Eesti Raamat, 1986.

Adams 1999: V. Adams, *Elu mõttest III* // «Akadeemia», 1999, 1, c. 29-31.

Adams et al. 1946: *Vene keele lugemik*, koost. V. Adams, H. Maiste-Aller, B. Pravdin, Tartu, Teaduslik Kirjandus, 1946.

Desnitski 1899: HAЭ, ф. EAA. 402, оп. 1, ед. xp. 8532 *Desnitski, Vassili, 1899-1912*.

Desnitski 1899a: HAЭ, ф. EAA. 402, оп. 1, ед. xp. 8533 *Desnitski, Vassili, 1899-1912*.

Kruus 1984: Rein Kruus, *Valmar Adamsi kirjanikutee alguse taustast* // «Looming», 1984, c. 119-124.

Lindström et al. 1994: *Lauri Lindström, Toomas Hiio*, (ed), *Album academicum universitatis Tartuensis 1918-1944*, 2. köide, Tartu, TÜK, 1994.

Lotman 1969: Ju. Lotman, *Valmar Adamsi juubel* // «Tartu Riiklik Ülikool», 1969, 7 veebr.

Lotman 1974: Ju. Lotman, *Luuletaja, teadlane, õppejõud*: [B. Адамс] // «Tartu Riiklik Ülikool», 1974, 8 veebr.

Lotman 1987: Ju. Lotman, *Väga ühiskondlik, väga vajalik raamat*: Professor Juri Lotman Jaan Krossi “Keisrihullust” // «Sirp ja Vasar», 1987, 6. veebr., 7, 9.

Oras 1933: Ants Oras, *Eesti värsitoodang aastal 1932* // «Looming», 1933, 2, 195–199.

Paukson 1933: H. Paukson, *Vilmar Adams. Maise matka poolel teel. Kolmas kogu luulet.* EKL, 1932 // «Looming», 1933, 4, 484–486.

Ponomarjova 2018: G. Ponomarjova, *Tartu tsensor Mihhail Sõštšikov (1911–1980)* // *Kas keelata või lubada? Tsensuur Eestis XX sajandil*, Tartu: EKM Teaduskirjastus, 2018, 13–14.

Rahva Hääl 1946: [T. Mägi], *Eestimaa K(b)P Keskkomitees (1946)* // «Rahva Hääl», 1946, 13. okt.

Siilivask 2000: K. Siilivask, *Adams, Valmar* // *Eesti teaduse biograafiline leksikon*, I köide A–Ki, Tallinn, Eesti Entsüklopeediakirjastus, 2000, 33.

Siirak 1979: Erna Siirak, *Valmar Adams viis rolli* // «Looming», 1979, 1, 96–106.

Visnapuu 1932: Henrik Visnapuu, *Eesti riimi murrang*, «Looming», 1932, 5, 579–622.